

1708 ГОД В БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БЕЛЫХ ПЯТЕН ТРЕХ КРУПНЕЙШИХ СРАЖЕНИЙ

А. Н. СЛЕСАРЕНКО¹⁾

¹⁾Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара,
пр. Гагарина, 72, 49000, г. Днепр, Украина

Рассматривается один из узловых моментов Великой Северной войны – поход шведского короля Карла XII на Москву. Показано, что исследователи данной темы до настоящего момента не пришли к единому мнению о причинах, вызвавших внезапный поворот шведской армии на юг с прямого маршрута на Москву. На основе исследования историографических достижений последних лет проведен сравнительный анализ военных операций, происходивших на территории Беларуси летом – осенью 1708 г. В этот период произошло три крупных сражения при переправах через важные водные рубежи: при Головчине, Малятичах и Лесной. Все они имели разный исход, поэтому представляется важно детально проанализировать особенности этих боев. Высказано предположение, что российской стороне удалось сочетать воздействие на шведскую армию разных родов войск: гвардейской пехоты, конных драгунских полков и иррегулярной конницы (казаки, калмыки и татары). Российская армия старалась ослабить войска противника путем создания трудностей в снабжении провизией. Причиной поворота на юг Карла XII стала потеря военного обоза, сопровождаемого корпусом Левенгаупта. Анализируется степень достоверности источников, освещающих события Великой Северной войны на территории Беларуси в 1708 г. На основе метода сравнительного анализа источников предпринята попытка восстановления реальной картины происходивших событий. Сделан вывод об умышленном искажении фактов в официальной российской историографии в целях создания позитивного имиджа царя Петра I и его соратников как на международной арене, так и внутри страны. Выявлена устойчивость этой традиции на протяжении длительного времени.

Ключевые слова: гвардия; иррегулярная конница; драгунские полки; военные операции; переправа; военный обоз.

1708 ГОД У БЕЛАРУСІ: ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ БЕЛЫХ ПЛЯМ ТРОХ НАЙБУЙНЕЙШЫХ БАЁЎ

А. М. СЛЕСАРЭНКА^{1*}

^{1*}Дняпроўскі нацыянальны ўніверсітэт імя Алеса Гончара,
пр. Гагарына, 72, 49000, г. Дняпро, Украіна

Разглядаецца адзін з вузлавых момантаў Вялікай Паўночнай вайны – паход шведскага караля Карла XII на Маскву. Паказана, што даследчыкі гэтай тэмы да цяперашняга моманту не прыйшлі да адзінага меркавання аб прычынах, якія выклікалі раптоўны паварот шведскай арміі на поўдзень з прамога маршрута на Маскву. На аснове даследавання гістарыяграфічных дасягненняў апошніх гадоў праведзены параўнальны аналіз ваенных аперацый, якія адбываліся на тэрыторыі Беларусі летам – восенню 1708 г. У гэты перыяд адбыліся тры буйныя бітвы пры пераправах праз важныя водныя рубяжы: пры Галоўчыне, Маляцічах і Лясной. Усе яны мелі розны вынік, таму ўяўляецца важным дэталёва прааналізаваць асаблівасці гэтых баёў. Выказана меркаванне пра тое, што расійскаму боку ўдалося спалучаць уздзеянне на шведскую армію розных родаў войскаў: гвардзейскай пяхоты, конных драгунскіх палкоў і іррегулярнай

Образец цитирования:

Слесаренко АН. 1708 год в Беларуси: сравнительный анализ белых пятен трех крупнейших сражений. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2019;2:31–39.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-31-39>.

For citation:

Slisarenko ON. 1708 year in the Belarus: an comparative analysis of the three biggest battles blind spots. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2019;2:31–39. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2019-2-31-39>.

Автор:

Александр Николаевич Слесаренко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры европейского и международного права юридического факультета.

Author:

Oleksandr N. Slisarenko, PhD (history), docent; associate professor at the department of European and International law, faculty of law.
a.slisarenko61@gmail.com

конницы (казаки, калмыки и татары). Российская армия налагала аслабіць войскі саперніка шляхам стварэння цяжкасцей у забеспячэнні правізіяй. Прычынай павароту на поўдзень Карла XII стала страта ваеннага абозу, які суправаджаў корпус Левенгаўпта. Аналізуецца ступень дакладнасці крыніц, якія асвятляюць падзеі Вялікай Паўночнай вайны на тэрыторыі Беларусі ў 1708 г. На аснове метаду параўнальнага аналізу крыніц ажыццёўлена спроба ўзнаўлення рэальнай карціны падзей. Зроблена выснова аб наўмысным скажэнні фактаў у афіцыйнай расійскай гістарыяграфіі з мэтай стварэння пазітыўнага іміджу цара Пятра I і яго папличнікаў як на міжнароднай арэне, так і ўнутры краіны. Выяўлена ўстойлівасць гэтай традыцыі на працягу доўгага часу.

Ключавыя словы: гвардыя; ірэгулярная конніца; драгунскія палкі; ваенныя аперацыі; пераправа; ваенны абоз.

1708 YEAR IN THE BELARUS: AN COMPARATIVE ANALYSIS OF THE THREE BIGGEST BATTLES BLIND SPOTS

O. N. SLISARENKO^a

^aOles Honchar Dnipro National University, 72 Gagarina Avenue, Dnipro 49000, Ukraine

The article is devoted to one of the key moments of the Great Northern war – the campaign of the Swedish king Charles XII to Moscow. The historians of this campaign until now has not come to a consensus about what caused the sudden turn of the Swedish army to the South with a main route to Moscow. In the article on the basis of the analysis of historiographical achievements of recent years, a comparative analysis of military operations that took place on the territory of Belarus in the summer – autumn of 1708. In this period there were three major battles at the crossings of important water boundaries: when Golovchino, Maletichy and Lesnaja. All of them had different outcomes, so it is interesting to analyze in detail the features of these battles. The author believes that the Russian army managed to combine the impact on the Swedish army of different kind of troops: guards infantry, horse dragoon regiments and irregular cavalry (cossacks, kalmyks and tatars). The Russian army tried to weaken the enemy forces by creating difficulties in supply. The main motive for turning to the South of Charles XII was the loss of a military convoy, accompanied by a corps Lewenhaupt. The degree of reliability of the sources covering the events of the Great Northern war on the territory of Belarus in 1708 is analyzed. Based on the method of comparative analysis of sources, the author attempts to restore the real picture of the events. The conclusion is made about deliberate distortion of facts in the official Russian historiography in order to create a positive image of Tsar Peter I and his associates both in the international arena and within the country. The stability of this tradition for a long time is revealed.

Keywords: guards; irregular cavalry; dragoons regiments; military operation; river crossing; military baggage.

Введение

В начале 1708 г. усилия, прикладываемые шведским королем Карлом XII для того, чтобы одержать победу в Великой Северной войне (иначе – второй Северной войне), достигли апогея. Оставалось лишь сокрушить четвертого, последнего, участника антишведской коалиции – Московское государство. Решающие события развернулись на территории Беларуси: российский царь смог навязать шведскому королю свою тактику уклонения от генерального сражения, ослабления противника путем «скифской войны», нанесения ударов превосходящими силами по отдельным контингентам шведской армии. Хотя в начале июля 1708 г. Карл XII смог нанести чувствительное поражение русской армии при Головчине, эта победа не имела стратегического значения, а развернутая Петром I тактика опустошения территории привела к сильнейшему истощению королевской армии и вынудила Карла XII отказаться от привычной стратегии – удара по главным силам врага и захвата столицы – и принять неожиданное предложение украинского гетмана И. Мазепы о военно-политическом союзе.

При осуществлении плана «скифской войны» Петра I не останавливало то обстоятельство, что его армия разоряла территорию Беларуси, находившуюся под формальным суверенитетом союзной Речи Посполитой.

Обзорный анализ белорусской историографии по проблематике Великой Северной войны последних лет осуществил в недавней публикации А. Гронский. Хотя этот анализ нельзя считать беспристрастным, в целом можно согласиться с выводом автора: «Северная война в белорусской историографии не является популярной темой. Обобщающих белорусских исследований по ее протеканию не существует» [1, с. 168]. Конечно, за 28 лет независимости страны белорусской исторической наукой накоплен некоторый материал, позволяющий ориентироваться в исследовательских тенденциях. Встречаются и откровенно слабые работы вроде небольшой книги А. Велько [2], в которой, например на с. 13, присутствуют прямые текстуальные заимствования из монографии А. Беспалова [3, с. 131]. Вместе с тем есть

и работы достаточно высокого научного уровня. Таким является краткий очерк событий Великой Северной войны в монографии А. Котлярчука [4]. Можно также отметить статью Б. Сидоренко, уточняющую малоизученные моменты битвы при Лесной [5].

Столь же бедной на исследования является и украинская историография событий Великой Северной войны в Беларуси. Впрочем, это логично, поскольку украинская историческая наука сосредоточила все усилия на исследовании «революции» И. Мазепы и последующих событий. Военные действия в Беларуси упоминаются в работах украинских историков, в том числе автора этой статьи, вскользь, главным образом как прелюдия событий октября – ноября 1708 г. на землях Украины.

Значительно более обширной является историография этих событий в российской исторической науке. Наиболее значимые работы о событиях 1708 г. принадлежат В. Артамонову и А. Беспалову [3; 6–9]. За последние три десятилетия оценки происшедшего на территории Беларуси существенно эволюционировали. Если ранее сражение при Головчине упоминалось как досадный эпизод, а потому крайне мало и поверхностно изучалось, бой при Малятичах подавался как крупный успех российского оружия, а сражение у Лесной – как «мать Полтавской победы», то сейчас начинают преобладать более взвешенные оценки. Подобные тенденции уже просматриваются, например, в недавней статье Б. Мегорского [10]. Прежние подходы определялись концепцией о заранее запланированном Карлом XII повороте в Украину в соответствии с тайным союзом с И. Мазепой. Теперь же российские историки соглашаются с тем фактом, что основной причиной ухода Карла XII с прямого

операционного направления на Москву стало осуществление «скифской тактики» Петром I, приведшее к тотальному разорению белорусских земель в 1707–1708 гг. [11, с. 227, 229].

Хотя шведская историография Великой Северной войны обширна и многообразна, события лета – осени 1708 г. отражены в ней неравномерно: основное внимание уделено сражению при Лесной и его последствиям, другие же операции рассмотрены поверхностно, как прелюдия иных операций. Из публикаций последнего времени достаточно интересный, хотя и краткий анализ этих событий дает П. Фром [12], а из исследований, доступных на русском языке, можно вспомнить весьма глубокую аналитическую работу А. Стилле [13] и более известную монографию П. Энглунда [14]. Фактически это его магистерская диссертация, где события 1708 г. изложены очень кратко.

Обзор историографических достижений последних лет показывает, что избранная тема является актуальной и требует дальнейшей разработки. Цель этой статьи заключается в сравнительном анализе боевых операций, происшедших на территории Беларуси летом – осенью 1708 г. В этот период произошло три крупных сражения при переправах через важные водные рубежи: при Головчине, Малятичах и Лесной. Все они имели разный исход, поэтому представляется интересным детально проанализировать особенности этих боев. Из этого вытекают следующие задачи проводимого исследования: на базе критического анализа существующих разночтений источников и выявления причин этих разночтений восстановить реальный ход событий; определить их влияние на достижение конечного успеха России в Великой Северной войне.

Методология исследования

Основным методом в данной работе выступает сравнительный анализ источников, базирующийся на принципах объективности и полноты исследования. Также применяется метод контент-анализа при изучении донесений о результатах боев при Малятичах и Лесной. В рамках исследования проведена датировка событий по двум календарным

системам – юлианскому стилю, действовавшему в России, и по старому шведскому календарю, опережавшему юлианский на один день. Таким способом осуществлена попытка преодолеть разночтения шведских и российских источников, повлиявших на датировки в позднейших исследованиях.

Результаты и их обсуждение

Хотя современные российские авторы стараются избегать категоричных утверждений, характерных для классово-марксистской методологии времен СССР, они все же прибегают к такой интерпретации событий, чтобы представить в выгодном, с их точки зрения, свете Петра I и его соратников, прежде всего А. Меншикова. Такие искажения касаются не столько событийного ряда, сколько сопутствующих элементов сражений, главным об-

разом соотношения сил и последствий сражений. Примером такой трактовки может быть одно из военно-исторических исследований А. Беспалова – известного современного специалиста по истории Великой Северной войны. Анализируя ход последнего сражения, в котором шведское войско одержало значительную победу над московским, – битву при Головчине (июль 1708 г.), автор не смог сохранить полную объективность, в целом присущую его

работам [8; 9]. Сообщая о составе московских частей, участвовавших в битве, он перечисляет 20 батальонов пехоты (фактически 9,5 полков) и 10 полков драгунской конницы. При этом А. Беспалов определяет их численность в 55 эскадронов, хотя в перечне упоминает 50 (как, собственно, и должно быть по штатному расписанию). В штате пехотных подразделений числились 12,4 тыс. солдат и офицеров. Однако А. Беспалов указывает, что их было от 7 до 9 тыс. [9, с. 23]. Сомнительно, что в московских подразделениях, которые еще не участвовали в значительных боях, некомплект достигал от 30 до 45 %. Обычно в подразделениях московской армии за счет дезертиров и больных этот некомплект не превышал 20–25 %, к тому же достаточно быстро состав восполнялся, особенно в гвардии и приравненных к ней Астраханском и Ингерманландском полках. Например, из рапорта Б. П. Шереметьева от 29 (30) июля 1708 г. видно, что комплектность пехотных полков дивизии А. Репнина составляла от 79 до 89 % [15, с. 510–512]. Подобным образом описывается ситуация с конницей: на 55 эскадронов, по данным А. Беспалова, приходилось около 6 тыс. драгун, а не 11 тыс., как должно быть по списку. Эти полки также не участвовали в значительных боях за последние два года, поэтому придется предположить, что такой огромный некомплект (45 %) приходится на больных и дезертиров. Таким образом, А. Беспалов утверждает, что московский корпус имел всего 18 тыс. воинов (вместе с калмыками и казаками) вместо 27 тыс. воинов согласно списочному составу. По нашему мнению, части А. Репнина, Г. Гольца и К.-Э. Ренне насчитывали 23–24 тыс. воинов регулярного и иррегулярного войск.

Прямо противоположной изображается А. Беспаловым ситуация относительно шведской армии. Численность 12 батальонов пехоты вместо списочного состава в 7,5 тыс. воинов, согласно сведениям А. Беспалова, составляла 7,8 тыс., не учитывая тяжелого зимнего перехода 1707–1708 гг., а также стычек за предыдущие полгода на землях Беларуси и продовольственных проблем у шведской армии на чужой территории. Состав королевской конницы А. Беспалов очертил как 27 рот (что равняется 13,5 эскадронам). Численность шведских конных подразделений тоже подана с максимальными штатными параметрами – 3,5 тыс. всадников (даже несколько больше), кроме того, добавлен еще и полный штатный состав Валашского иррегулярного конного полка – 2 тыс., хотя в бою участвовали лишь треть воинов [9, с. 23]. Следует также иметь в виду, что именно этот полк принимал активное участие в «малой войне» в первой половине 1708 г. и нес наибольшие потери, а значит, не мог быть укомплектованным согласно штату. Благодаря такому подсчету численность шведского войска была преувеличена до 13,3 тыс. воинов (реальная численность составляла 10,0–10,5 тыс.). В результате

у читателя статьи А. Беспалова должно было сформироваться впечатление, что шведы победили врага, не в 2,4 раза превосходящего, а всего лишь в 1,3 раза более численного.

О степени достоверности российских аутентичных источников может дать представление процесс формирования известий о бое под местечком Доброе на р. Черная Напа (Беларусь), состоявшемся 30(31) августа 1708 г. В западной историографии это сражение известно как бой при Малятичах. На рассвете русские, узнав, что авангард шведской армии под командованием генерал-майора Роса (Русса) стоит на берегу этой неширокой реки, решили атаковать шведов. Для атаки было выделено два больших отряда: 8 батальонов пехоты (по одному от Преображенского, Семеновского, Ингерманландского, Астраханского, Гренадерского, Киевского (бывший полк фельдмаршала Шереметьева), Шлиссельбургского и Нарвского полков), что эквивалентно 4 стандартным полкам [16, с. 13]; 30 драгунских эскадронов конницы, что эквивалентно 6 полкам. Штатная численность этих частей должна была составить более 5 тыс. пехоты и 6 тыс. конницы. Батальоны первых пяти упомянутых полков принадлежали к гвардии или приравненным к ней частям. Очевидно, ради скрытности операции и из-за неблагоприятной заболоченной местности артиллерию к этой акции решено было не привлекать. Кроме того, Петр I выделил в ближнее прикрытие, на северном берегу р. Черная Напа, группу в составе 3 полков – Новгородского, Псковского, Нижегородского [16, с. 214]. В ходе боя, очевидно на завершающем этапе, было задействовано одно из подразделений Новгородского полка – рота поручика Г. Сонины. Как выяснил Б. Мегорский, кроме упомянутых 8 батальонов, в бою прямо участвовали еще 2 пехотных полка – Белгородский и Великолукский, а также драгуны из лейб-шквдрона А. Меншикова (возможно, в спешном строю) [10, с. 214]. Таким образом, это добавляет к корпусу М. Голицына 1,8–2,0 тыс. пехоты и 400 драгун. Итак, в ходе боя российский командующий использовал от 7,5 до 8,0 тыс. бойцов (с учетом роты новгородцев).

Фактор неожиданности сыграл свою роль, и московская пехота М. Голицына, перейдя на рассвете реку вброд, атаковала два шведских батальона, стоявших на берегу р. Черная Напа [17, с. 312]. Шведы, несмотря на многократное превосходство врага, оказали ожесточенное сопротивление: русских погибло 375 человек, ранены были 1191, а всего вышло из строя 1566 солдат и офицеров (т. е. более трети штатной численности упомянутых батальонов). Особенно большие потери понесла гвардия: батальон Преображенского полка лишился двух третей штатной численности, батальон Семеновского полка – 40 %, другие батальоны тоже понесли ощутимые потери – от 20 до 33 % [15, с. 109]. Тем не менее после полутора-двухчасового боя швед-

ской пехоте (численно уступавшей российской пехоте примерно в 6 раз) пришлось отходить к своему обозу. На помощь ей от главных сил прибыла конница, возглавляемая лично королем. В то же время российская конница под командованием генерал-лейтенанта Пфлуга, двигаясь через болота и чащи, не смогла вовремя поступить к полю боя и поддержать свою пехоту, хотя какая-то ее небольшая часть в бою все же приняла участие [10, с. 213]. В результате М. Голицыну пришлось отступить, захватив среди трофеев 6 шведских флагов (очевидно, ротных). Обе стороны объявили сражение своей победой, ведь россиянам удалась неожиданная атака части шведской армии с нанесением ей значительных потерь, а шведы в итоге отбили нападение и тоже нанесли противнику существенные потери. На следующий день Петр I оставил данную местность, косвенно признав превосходство врага.

Хотя пропагандистский элемент всегда присутствовал в идеологическом сопровождении войн («война на перьях»), в данном случае есть возможность проследить этапы формирования официального пропагандистского дискурса. Петр I сразу после боя 30 августа 1708 г. написал публичное письмо, где заявил о большом успехе [15, с. 106]. В этом письме он изложил обстоятельства боя следующим способом: якобы шведов было 5 тыс. пехоты и несколько тысяч конницы, а в ходе боя погибли более 2 тыс. врагов и еще столько же были ранены. Российская же сторона, согласно письму, обошлась «с наименьшей потерей войск» [15, с. 106]. Российские войска отошли, по приказу лично царя, якобы в полном порядке [15, с. 106, 107].

Однако на следующий день Петр I составляет другой вариант письма, который вскоре становится официальной версией. Теперь уже российской конницы было лишь несколько эскадронов, генерал-майор М. Голицын просто командовал 8 батальонами пехоты (не подчеркивалось наличие среди них гвардии), российский отряд прорвался вплоть до самого неприятельского лагеря (а не просто к обозу), шведов было уничтожено 3 тыс. Правда, из данного донесения исчезла шведская конница генерал-майора Кресе и осталась лишь пехота генерал-майора Рооса – целых пять полков. Потери царских войск были поданы в «рописи» без детальных характеристик [15, с. 108].

Позже, в конце того же дня, появилась третья версия произошедшего в письме царя к генерал-адмиралу Ф. Апраксину. В письме не было упоминания о русских эскадронах, а бой изображался лишь как бой пехоты [15, с. 111]. За сутки (или полтора суток) картина боя в изложении Петра I эволюционировала от не совсем удачной операции по возможному уничтожению шведского авангарда из 3 пехотных полков превосходящими силами россиян (10 полков пехоты и драгун) к вполне успешной операции небольшого московского detachementa

(отдельного отряда) из 4 пехотных полков против превосходящих сил врага из 5 полков. В ходе этого боя враг понес огромные потери: 3 тыс. убитых из возможных 6 тыс. После выполнения задания российский отряд отошел без особых потерь, полностью сохранив боеспособность («...отошли от них без разорения рядов» [15, с. 111]).

Реально же российский отряд Голицына вынужден был отходить под ударами шведской конницы, потому что, например, батальон преображенцев потерял убитыми и ранеными практически всех офицеров – 17 человек, да и боеспособных рядовых в нем оставалось около 200 (одна треть). Батальон семеновцев потерял убитыми и ранеными 7 офицеров (40 %). Интересно, что в донесениях совсем не упоминаются шведские пленные – очевидно, их не было. Кстати, шведы достаточно адекватно оценивали потери противника (1,6 тыс. убитых и раненых), немного ошибившись в пропорции [10, с. 206]. Поэтому можно доверять и сообщениям шведов об их потерях: 261 погибший и 750 раненых, т. е. в три-четыре раза меньше, чем считали их противники. Фактические потери шведов были в полтора раза меньше, чем у российских войск, что вполне соответствует реалиям оборонительного боя при неожиданном нападении.

Но, как уже упоминалось, именно на основе писем Петра I была сформирована фактическая картина боя во всех последующих официальных изданиях. Если бы не уцелели воспоминания князя Б. Куракина, вероятного свидетеля этого боя, то шведские данные А. Юлленкрука и Г. Адлерфельда трактовались бы как враждебная фальсификация, что, собственно, и происходило в российской историографии в течение 300 лет.

Еще одним примером, который побуждает к критическому отношению прежде всего к российским источникам, являются обстоятельства шведского марша в начале сентября 1708 г. в направлении Украины. Российские генералы, в частности К.-Э. Ренне, донесли царю, будто они уничтожили переправы через р. Сож. Однако Петр I, зная коварный характер своих подчиненных, отправил свое доверенное лицо, адъютанта и капитан-поручика гвардии Ф. Бартенева, проверить эту информацию. Вот что Ф. Бартенев докладывал 20 сентября 1708 г., посетив мосты в районе Черикова и Кричева: «...приехал я к Черикову, бродов нет, а через реку наши с неприятелем стреляются против города Черикова и мостов. Посередине из мостов только выведено по одному плоту. А с нашего берега очень берег низкий и болото, батареи же никакой нет. А с неприятельского берега гора высокая, если с пушками они придут, то могут того же времени наших от мостов отбить и по тем нашим мостам перейти. А от Кричева до Черикова по берегу очень небрежно – разъездов нет даже и за полмили до Черикова...» [15, с. 602]. Таким образом, шведский

авангард застиг россиян неожиданно, не дав им возможности уничтожить мосты. Собственно, об этом и пишет официальный каролинский историограф Г. Адлерфельд. Тем не менее российские военные историки начала XX в. утверждают, что генерал Ренне мосты сжег, как только приблизились шведы [18, с. 52, 58].

Похожая ситуация наблюдается и с написанным официальным отчетом Петра I о бое у Лесной. Радуюсь победе, он сообщал, очевидно утром 29 (30) сентября, Г. Головкину: «...не крася, но истину пишу, как вы не в лживом моем слове известны, и что нас не было 10 тысяч в сборе» [19, с. 174]. Конечно, царь знал реальный состав своей армии, лишь регулярные войска которой насчитывали почти 16 тыс. воинов, а также включали значительные казацкие и калмыцкие подразделения [15, с. 168, 172, 175]. Завышал царь и количество войска генерала А. Левенгаупта. Тогда же в письме к князю-кесарю Ф. Ромодановскому (а всего Петр I написал в этот день 9 писем своим вельможам и одно письмо к экс-королю Августу II) царь предполагал, что шведов было 16 тыс. воинов, но, возможно, и 20 тыс. [15, с. 168]. В письме к Ф. Апраксину в Санкт-Петербург 6 (7) октября Петр I уже утверждал, что корпус Левенгаупта насчитывал 20 тыс. воинов [15, с. 182], однако в официальной реляции решил вернуться к цифре в 16 тыс., хотя в этой же реляции он заявлял, будто о численности шведского корпуса они узнали еще накануне боя из допросов пленных [15, с. 210].

В советский период официальная историография также допускала искажение цифр. Так, например, повествуя о битве при Лесной, исследователи приводили численность российского корволанта в 11 631 человек, подчеркивая тем самым значительное преимущество Левенгаупта в силах (16 тыс.). В документах XVIII в. действительно такая цифра фигурирует, однако она касается лишь численности 14 полков корволанта, которые начинали бой 28 сентября, при этом не учтено число офицеров указанных полков [18, с. 143]. Но если добавить и их, то реальная численность московского корволанта увеличится не менее чем на 420 человек и превысит 12 тыс. А еще следует принимать во внимание, что во второй половине того дня подошли 8 драгунских полков, которые насчитывали без малого 5 тыс. [6, с. 17]. Поэтому и получается, что Петр I в течение 28 (29) сентября 1708 г. бросил в бой против Левенгаупта только регулярного войска более 17 тыс., а была же еще и иррегулярная калмыцкая и казацкая конницы – это еще минимум 1 тыс. всадников. Между тем в 1909 г. был опубликован сводный табель московских войск, участвовавших в этой битве. В нем указано, что в 22 полках насчитывалось даже 17 917 нижних чинов, т. е. вновь без офицеров [18, с. 198, 199], а в этих полках их должно быть более 500. Итак, реальная численность регулярных войск (11 батальонов гвардейской пехоты,

включая Ингерманландский и Астраханский полки, и 18 драгунских полков) достигала как минимум 18,5 тыс. воинов, а с учетом иррегулярных сил казачьей и калмыцкой конницы получается, что Петр I выставил против Левенгаупта 20-тысячное войско против 13 тыс. шведов (20 батальонов прибалтийской и финской пехоты и 9 конных полков). Между прочим, в официальных сообщениях о победе при Лесной царь подавал численность российских войск как 15 701 человек против 16 тыс. солдат Левенгаупта [15, с. 836–837]. В современных европейских исследованиях фигурируют еще более высокие цифры в отношении шведской армии за счет включения в состав этих контингентов еще и отряда бригадира Ф. Фастмана численностью от 1,4 до 1,9 тыс. драгун и казаков. Это соединение накануне боя сожгло Пропойск и отошло на левый берег р. Сож, прямого участия в бою не принимало, но его присутствие вблизи места боя в большой степени повлияло на ситуацию, особенно на следующий день, сорвав переправу уцелевших шведских частей и обоза [20, р. 108]. Кстати, даже один из самых известных современных российских специалистов по Великой Северной войне В. Артамонов также допускает неоднозначную трактовку цифр. Прекрасно зная шведские источники о битве при Лесной, он, не аргументируя своего выбора, опирался на данные о числе шведских воинов, приведенные фендриком (прапорщиком) Р. Петре (12 950 человек), которые являются максимальными [6, с. 25]. Другой участник боя лейтенант Ф. Вейе указывал численность корпуса Левенгаупта на 1,5 тыс. меньше (11 450 человек). Еще меньшие цифры сообщает сам Левенгаупт – 10 914 бойцов, однако генерал слишком заинтересованное лицо, чтобы доверять его данным беспрекословно [21, с. 257]. Современный белорусский историк А. Котлярчук в своем исследовании избрал как раз среднюю цифру, приведенную лейтенантом Ф. Вейе [4, с. 120]. Точно так же оценивал силы генерала А. Левенгаупта и известный украинский историк Т. Мацькив [22, с. 22]. Безусловной заслугой А. Беспалова является доказательство того факта, что корпус генерала А. Левенгаупта состоял на две трети из финских, прибалтийских и немецких солдат, корволант же Петра I представлял собой отборные силы российской пехоты и конницы.

Собственно, присоединение корпуса А. Левенгаупта не могло решить всех проблем главных сил королевской армии, ведь он имел запасы только на три месяца, т. е. лишь до Рождества, а в дальнейшем снова пришлось бы искать местные ресурсы. Вообще размеры обоза А. Левенгаупта очень преувеличены. Максимальную цифру называют Е. Тарле и А. Беспалов – 8 тыс. возов [23, с. 208; 3, с. 129]. В работах украинских историков их количество оценивается в 7 тыс. [22, с. 22]. Такую же цифру встречаем и у современника событий Г. Адлерфельда [24, с. 99]. Правда, следует иметь в виду, что сам

Г. Адлерфельд находился при штаб-квартире короля Карла XII и сообщал обстоятельства марша А. Левенгаупта и боя при Лесной уже постфактум и, вероятнее всего, со слов самого генерала А. Левенгаупта. Сначала В. Артамонов придерживался данных Г. Адлерфельда [25, с. 172], а потом переориентировался на более высокие цифры – до 8 тыс. [6, с. 8].

Реально обоз А. Левенгаупта включал три составляющие: собственный обоз корпуса, насчитывавшего примерно 14,5 полков, т. е. около 1,8–2,0 тыс. полковых повозок; повозки с грузами для королевской армии, примерно 1,3 тыс. фур; неизвестное количество маркитантских повозок, присоединившихся к корпусу А. Левенгаупта на свой страх и риск [6, с. 8]. Маловероятно, что их было почти 5 тыс., более реальной кажется вдвое или втрое меньшая численность маркитантских фур. Интересно, что из писем царя Петра I, отправленных сразу после победы под Лесной князю Ф. Ромодановскому, следовало, что шведский обоз состоял примерно из 5 тыс. телег [19, с. 168, 172]. Вопреки этому А. Беспалов допускает, что главный обоз включал дополнительное число полковых обозов, выводя общую цифру лошадей (обозных и верховых) в корпусе А. Левенгаупта в 62 тыс. голов [3, с. 130].

Подводя итоги этой крупнейшей операции на территории Беларуси в 1708 г., можно утверждать, что А. Левенгаупту удалось избежать разгрома, нанести превосходящему противнику значительные потери – до 4 тыс. убитых и раненых, обеспечить

скрытный отход оставшихся сил и увести более половины обоза с поля боя. Но все же второразрядные шведские войска получили тяжелый удар под Лесной 28 (29) сентября, потеряв значительную часть (до 2 тыс. телег) обоза с необходимыми боеприпасами и амуницией. Едва ли не первый раз за Великую Северную войну шведские войска понесли большие людские потери на поле боя (до 2,7 тыс. убитых и до 150 пленных), были разрушены несколько пушек. Но худшее заключалось в том, что главнокомандующий генерал А. Левенгаупт сразу после битвы потерял управление войсками (а у него оставалось еще 10 тыс. воинов) [6, с. 50]. Это привело к деморализации и окончательному разгрому его корпуса на следующий день, когда попали в плен более 600 солдат, еще около 500 были уничтожены [26, с. 51], а свыше 1500 солдат, отбившись от основной массы, вернулись в Прибалтику, обойдя силы корволанта. Тогда же были потеряны оставшая артиллерия и часть обоза, которая еще оставалась [27, с. 234–235]. Только благодаря генералу Стакельбергу (Штакельбергу) удалось сохранить единство и впоследствии довести до короля 6700 бойцов [6, с. 46]. Однако есть все основания полагать, что российские историки преувеличивают стратегическое значение победы при Лесной: основные силы Карла XII сохранили свой ударный потенциал, а союз с украинским гетманом И. Мазепой, заключенный в конце октября 1708 г., вполне мог нейтрализовать все негативные последствия поражения А. Левенгаупта.

Заключение

Таким образом, на территории Беларуси произошли три важных столкновения: тактическая победа шведов при Головчине, закончившееся вничью сражение при Малятичах и закончившаяся российской победой битва при Лесной. В результате критического анализа источников и переосмысления данных предшествующих исследований можно утверждать, что в первом сражении общее число участников с обеих сторон достигло 33–35 тыс. человек, во втором бою – около 10 тыс. бойцов с обеих сторон, а в третьем сражении – не менее 31–33 тыс. воинов. Во всех случаях российская сторона имела существенное превосходство в силах – от 1,5 (битва при Лесной) до 2,5 (сражение при Малятичах) раза. В результате первого сражения российская армия была вытеснена из центральной Беларуси за р. Днепр, но не понесла тяжелых потерь. Во втором бою инициатива была проявлена российскими вой-

сками. Хотя они не смогли воспрепятствовать продвижению шведов в направлении своей границы, но нанесли им урон, сравнимый с потерями при Головчине, а менее чем через две недели армия Карла XII повернула в направлении Украины. Наконец, в битве при Лесной шведские потери впервые существенно превысили российские и Петром I были достигнуты весьма важные результаты как материального, так и психологического плана. Заметно, что тактическое мастерство российской армии и ее командования набирало силу. Дальнейшие события в Украине прямо зависели от результатов этих боев, поэтому можно утверждать, что неудача Карла XII определилась в лесах Беларуси, а не на полях Украины. Следует, однако, признать, что комплексное исследование боевых операций в ходе Великой Северной войны на территории Беларуси еще не реализовано.

Библиографические ссылки

1. Гронский АД. Северная война в белорусской историографии 2010–2015 гг. В: Ефимов СВ, редактор. *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VII Международной научно-практической конференции; 18–20 мая 2016 г.; Санкт-Петербург, Россия. Часть 2.* Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС; 2016. с. 168–183.
2. Велько АВ. *Битва у Лесной.* Минск: Белорусская православная церковь; 2008. 28 с.

3. Беспалов АВ. *Битвы Великой Северной войны*. Москва: Рейтар; 2005. 254 с.
4. Катлярчук А. *Шведы ў гісторыі й культуры беларусаў*. Вільня: Інстытут беларусістыкі; 2007. 328 с.
5. Сидоренко БИ. Битва у Лесной 28 сентября 1708 г. в свете статистики потерь русской и шведской армий. В: *Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы: к 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Материалы Международной научно-практической конференции; 4 октября 2008 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова; 2008. с. 279–286.
6. Артамонов ВА. «Несказанная виктория»: сражение при Лесной. 1708. Москва: Цейхгауз; 2009. 64 с.
7. Артамонов ВА. *Полтавское сражение. К 300-летию Полтавской победы*. Москва: МППА «БИМПА»; 2009. 704 с.
8. Беспалов АВ. Головчинский урок, 3–4 июля 1708 г. *Воин*. 2008;8:22–26.
9. Беспалов АВ. Головчинский урок, 3–4 июля 1708 г. *Воин*. 2008;9:21–23.
10. Мегорский БВ. Бой при Добром в 1708 году: новые источники. В: Ефимов СВ, редактор. *Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды VIII Международной научно-практической конференции; 17–19 мая 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия. Часть 3*. Санкт-Петербург: ВИМАИВиВС; 2017. с. 202–216.
11. Иванюк СА. Военная добыча на территории Речи Посполитой 1705–1708 гг. В: *История военного дела. Исследования и источники* [Интернет]. 2017 [процитировано 22 октября 2017 г.];9:222–262. Доступно по: http://www.milhist.info/2017/10/22/ivanyuk_3.
12. From P. *Katastrofen vid Poltava. Karl XII: s ryska förtåg 1707–1709*. Lund: Historiska media; 2006. 424 s.
13. Стилле А. *Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг*. Москва: Издательство М. Александрова; 1912. 170 с.
14. Энглунд П. *Полтава. Рассказ о гибели одной армии*. Москва: Новое книжное обозрение; 1995. 288 с.
15. Кафенгауз ББ, редактор. *Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 8, выпуск 2*. Москва: АН СССР; 1951. 1178 с.
16. Татарников КВ. *Русская полевая армия 1700–1730. Обмундирование и снаряжение*. Москва: Любимая книга; 2008. 234 с.
17. Семевский МИ, редактор. *Архив князя Ф. А. Куракина. Том 1. Бумаги князя Бориса Ивановича Куракина. 1676–1727*. Санкт-Петербург: Русская старина; 1890. 387 с.
18. Байов АК, редактор. *Труды Императорского Русского Военно-исторического общества. Том 1. Документы Северной войны. Полтавский период (июль – октябрь 1708 г.)*. Санкт-Петербург: Свет; 1909. 291 с.
19. Андреев ИН, редактор. *Письма и бумаги императора Петра Великого. Том 8, выпуск 1*. Москва: АН СССР; 1948. 406 с.
20. Dorrell NA. *The dawn of the tsarist empire: Poltava and the Russian campaigns of 1708–1709*. Nottingham: Partizan Press; 2009. 108 p.
21. Павленко С. Війська Карла XII на півночі Гетьманщини. *Сіверянський літопис*. 2014;5:256–300.
22. Мацьків Т. Як була вирішена битва під Полтавою? *Український історик*. 1989;4(26):17–28.
23. Тарле ЕВ. *Северная война и шведское нашествие на Россию*. Москва: Соцэкгиз; 1958. 480 с.
24. Колганова І, перекладач. Щоденник камергера Карла XII Густава Адлерфельда про перебування шведів восени 1708 р. на Чернігово-Сіверщині. *Сіверянський літопис*. 2014;4:95–110.
25. Павленко НИ, Артамонов ВА. 27 июня 1709 г. Москва: Молодая гвардия; 1989. 270 с.
26. Андреев ИЛ. *На пути к Полтаве*. Москва: Вече; 2009. 378 с.
27. Копыцкий ЗЮ, Мелешко ВИ. Помощь белорусского народа русской армии в годы Северной войны. В: Греков ИБ, редактор. *Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы*. Москва: АН СССР; 1959. с. 209–236.

References

1. Gronsky AD. [The Northern war in historiography of Byelorussia between 2010–2015]. In: Efimov SV, editor. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 18–20 maya 2016 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Chast' 2* [War and weapons. New research and materials. Proceeding of the 7th International Scientific and Practical Conference; 2016 May 18–20; Saint Petersburg, Russia. Part 2]. Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps; 2016. p. 168–183. Russian.
2. Velko AV. *Bitva u Lesnoi* [The battle about Lesnaja]. Minsk: Belorusskaya pravoslavnyaya tserkov'; 2008. 28 p. Russian.
3. Bespalov AV. *Bitvy Velikoi Severnoi voiny* [Battle of the Great Northern War]. Moscow: Rejtar; 2005. 254 p. Russian.
4. Katljrchuk A. *Shvjedy w gistoryi j kul'tury belarusaw* [The Sweds in history and culture of Byelorassians]. Vilnius: Instytut belarusistyki; 2007. 328 p. Belarusian.
5. Sydorenko BI. [The battle about Lesnaja in 28 september 1708 in the light of casualties statistics Russian and Swedish army]. In: *Severnaya voina 1700–1721 gg. i istoricheskie sud'by Evropy: k 300-letiyu so dnya bitvy pri Lesnoi. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 4 oktyabrya 2008 g.; Mogilev, Belarus'* [Northern war 1700–1721 and historical destiny of Europe: to the 300th anniversary of the Battle about Lesnaja. Materials of the International scientific and practical conference; 2008 October 4; Mogilev, Belarus]. Mogilev: A. Kuleshov Mogilev State University; 2008. p. 279–286. Russian.
6. Artamonov VA. «Neskazannaya viktoria»: srazhenie pri Lesnoi. 1708 [«Neskazannaya viktoria»: the battle about Lesnaja. 1708]. Moscow: Tseikhgauz; 2009. 64 p. Russian.
7. Artamonov VA. *Poltavskoe srazhenie. K 300-letiyu Poltavskoi pobedy* [Poltava Battle. To the 300th anniversary of the victory of Poltava]. Moscow: MPPA «BIMPA»; 2009. 704 p. Russian.
8. Bespalov AV. [Lesson by Golovchino, 1708 July 3–4]. *Voin*. 2008;8:22–26. Russian.
9. Bespalov AV. [Lesson by Golovchino, 1708 July 3–4]. *Voin*. 2008;9:21–23. Russian.
10. Megorskij BV. [Battle at the Dobroe in 1708: a new sources]. In: Efimov SV, editor. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. Trudy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17–19 maya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Chast' 3* [War and weapons. New research and materials. Proceeding of the 8th International scientific and practical conference; 2017 May 17–19; Saint Petersburg, Russia. Part 3]. Saint Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps; 2017. p. 202–216. Russian.

11. Ivanuk SA. [Looting of the Polish-Lithuanian Commonwealth during the 1705–1708 campaign]. In: *Istoriya voennogo dela. Issledovaniya i istochniki* [History of military art. Researches and sources] [Internet]. 2017 [cited 2017 October 22];9: 222–262. Available from: http://www.milhist.info/2017/10/22/ivanyk_3. Russian.
12. From P. *Katastrofen vid Poltava. Karl XII: s ryska fättåg 1707–1709*. Lund: Histsorska media; 2006. 424 s.
13. Stille A. *Karl XII kak strateg i taktik 1707–1709 gg.* [Karl XII as a strategist and tactician 1707–1709]. Moscow: Publishing House by M. Aleksandrov; 1912. 170 p. Russian.
14. Englund P. *Poltava. Rasskaz o gibeli odnoi armii* [Poltava. The story about the death of one army]. Moscow: Novoe knizhnoe obozrenie; 1995. 288 p. Russian.
15. Kafengauz BB, editor. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 8, vypusk 2* [The letters and pipars of imperiater Peter the Great. Volume 8, issue 2]. Moscow: Academy of Sciences of USSR; 1951. 1178 p. Russian.
16. Tatarnikov KV. *Russkaya polevaya armiya 1700–1730. Obmundirovanie i snaryazhenie* [Russian field army 1700–1730. Outfit and equipment]. Moscow: Lubimaya kniga; 2008. 234 p. Russian.
17. Semevskii MI, editor. *Arkhiv knyazya F. A. Kurakina. Tom 1. Bumagi knyazya Borisa Ivanovicha Kurakina. 1676–1727* [The archive of prince F.A. Kurakin. Volume 1. The papers of prince B. Kurakin. 1676–1727]. Saint Petersburg: Russkaya starina; 1890. 387 p. Russian.
18. Baiov AK, editor. *Trudy Imperatorskogo Russkogo Voenno-istoricheskogo Obshchestva. Tom 1. Dokumenty Severnoi voiny. Poltavskii period (iyul' – oktyabr' 1708 g.)* [The works of imperial Military-Historian Society. Volume 1. Documents of the Northern War. Poltava period (July – October 1708)]. Saint Petersburg: Svet; 1909. 291 p. Russian.
19. Andreev IN, editor. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. Tom 8, vypusk 1* [The letters and pipars of imperiater Peter the Great. Volume 8, issue 1]. Moscow: Academy of Sciences of USSR; 1948. 406 p. Russian.
20. Dorrell NA. *The dawn of the tsarish empire: Poltava and the Russian comaigns of 1708–1709*. Nottingham: Partizan Press; 2009. 108 p.
21. Pavlenko S. [The troops of Charles XII in the north of Hetmanshin]. *Siverjns'kij litopis*. 2014;5:256–300. Ukrainian.
22. Mackiv T. [How the battle of Poltava was decided?]. *Ukrai'ns'kyj istoryk*. 1989;4(26):17–28. Ukrainian.
23. Tarle EV. *Severnaya voina i shvedskoe nashestvie na Rossiyu* [The Northern war and Swedish offence against Russia]. Moscow: Sotsekgiz; 1958. 480 p. Russian.
24. Kolganova I, translator. [Dairy of kamerger Charls XII G. Adlerfelt about finding Swedes in the autumn 1708 in Chornigov-Sivershina]. *Siverjans'kij litopis*. 2014;4:95–110. Ukrainian.
25. Pavlenko NI, Artamonov VA. *27 Iyunya 1709 g.* [1709 June 27]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1989. 270 p. Russian.
26. Andreev IL. *Na puti k Poltave* [On the way to Poltava]. Moscow: Veche; 2009. 378 p. Russian.
27. Kopysskij ZY, Meleshko VI. [The helpness of Belarusian people for Russian army during the years of the Northern War]. In: Grekov IB, editor. *Poltavskaja pobeda. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii nakanune i posle Poltavy* [The victory of Poltava. From the history of international relations on the eve and after Poltava]. Moscow: Academy of Sciences of USSR; 1959. p. 209–236. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.11.2018.
Received by editorial board 22.11.2018.